DOI: 10.17976/jpps/2018.04.04

О НАЦИОНАЛЬНОМ *VS* ИМПЕРСКОМ ОБУСТРОЙСТВЕ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

В.В. Лапкин

ЛАПКИН Владимир Валентинович, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, Москва. Для связи с автором: vvlh@politstudies.ru

Лапкин В.В. О национальном *vs* имперском обустройстве современного миропорядка. – Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 37-55. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.04

Статья поступила в редакцию: 26.04.2018. Принята к печати: 14.05.2018

Аннотация. В статье исследуются причины и возможные последствия критической неустойчивости современного миропорядка, а также назревающая фундаментальная институциональная трансформация, сопряженная с поиском путей преодоления этого кризисного состояния современной мировой системы. Проводится анализ теоретических и методологических оснований для более глубокого понимания природы этого кризиса и выявления "точек роста" новых форм институционализации взаимодействия ключевых субъектов мирового развития, новых, более дифференцированных принципов глобального универсализма, более чувствительных к культурному разнообразию интегрируемых в глобальную систему сообществ и представляющих их политических акторов. Анализируется феномен "новых держав", усложненная, симбиотическая природа их политической организации, включающая трансграничные форматы распространения управляющих импульсов, а также их участия в формировании новых паттернов мирового порядка. Формулируется гипотеза о существе (содержании) новой системы международных отношений и территориального членения мира. А также – об исчерпании потенциала устойчивости международной системы национально-территориальных государств, историческое развитие которой породило необратимую дисфункцию – однополярный миропорядок (синдром "одинокой сверхдержавы"). Преодоление этой дисфункции оказывается сегодня квинтэссенцией глобальной трансформации во всех ее аспектах: политическом, социально-экономическом, культурном и т.д., – а задача изучения этих процессов требует от исследователей критического пересмотра традиционной оптики анализа, его концептуальных оснований и парадигмальных подходов.

Ключевые слова: трансформация миропорядка; субъекты мирового развития; нация-государство; национализм; цивилизация; мир-система; униполярность; империя; универсализм; политическое пространство; глобальное доминирование; методологический национализм; космополитическая перспектива; суверенитет.

Среди общих проблем, затрагивающих сегодня интересы всех субъектов современного глобального мира, особо следует отметить критическую неустойчивость миропорядка и снижающуюся эффективность функционирования международных институтов, падение доверия к ним [Haas 2014; Алексеенкова 2015][1]. Под вопросом – действенность и непредвзятость международных политико-правовых механизмов регулирования конфликтов и принуждения конфликтующих сторон к диалогу. Стремительно нарастают проблемы функционирования институтов демократии и эффективности представительства интересов граждан не только в странах с переходной политической системой, в постсоветском и других регионах мира, но и в странах с глубокими и давними традициями

[1] См. также: Jagland Th. Hvordan kan vi overvinne tillitskløften? – *Aftenposten*. 15.03.2015. URL: https://www.aftenposten.no/meninger/kronikk/i/1JKG/Hvordan-kan-vi-overvinne-tillitskloften (accessed 12.05.2018).

демократии, включая США и страны Евросоюза (ЕС)[2] [Fukuyama 2014; Foa, Mounk 2015; Hobson 2017; van der Meer 2017]. Особый комплекс проблем связан с глобальной геополитической перестройкой, запущенной процессами реконфигурации постсоветского пространства, с попытками его освоения ключевыми конкурирующими игроками политического рынка: США, ЕС, Китаем, Турцией, Россией [Jones 2017][3]. Украинский кризис 2014 г. придал мощное ускорение этим процессам, радикально повысив ставки в большой геополитической и геоэкономической игре [Wilson 2014; Menon, Rumer 2015][4].

Процесс, инициированный распадом биполярного мира (в 1991 г.) и формированием униполярной парадигмы мироустройства под водительством США, вступает в критическую фазу. Игра идет ва-банк, а на кону стоят, с одной стороны, система глобального доминирования США, а с другой – перспективы длящегося уже более четверти века процесса интеграции России в мировое рыночное и политико-институциональное сообщество современных государств. Особую остроту ситуации придавала вплоть до последнего времени совокупность тенденций глобальной динамики, обусловленных кризисной фазой глобального развития, фазой "великих потрясений" эволюционных циклов международной политической и экономической системы (2005-2017 гг.) (подр. см. [Пантин, Лапкин 2014: 185-187, 248-265; 272-288; 392-394]). С конца 2013 г. мир вступил в заключительный период этой фазы. Этому периоду (2013-2017 гг.) оказались закономерно присущи резкая поляризация интересов ключевых глобальных игроков, лавинообразный рост острых противоречий в их взаимоотношениях, формирование новых глобальных расколов и блокового противостояния. Все более востребованными в мировой политике оказывались стратегии бескомпромиссной конфликтности. В итоге последовательно усугублялся кризис "однополярного" миропорядка, размывалась (прежде, в 1990-е годы, казавшаяся несокрушимой) монополия США на глобальное доминирование.

Ближайшие годы (2018-2021 гг.), согласно упомянутой выше авторской (разрабатываемой совместно с В.И. Пантиным) концепции, будут критическими в плане определения основных структурных контуров мировой системы на ближайшие десятилетия. Равно как и того, сможет ли сегодняшний мировой гегемон сохранить в обозримой исторической перспективе свои доминирующие позиции, либо же вынужден будет занять более скромное место в иной не-униполярной структуре миропорядка.

Системные промоутеры глобальной трансформации

Ситуация нынешней критической неустойчивости миропорядка формировалась, разумеется, не одномоментно и сопрягалась с рядом весьма драматических трансформаций иного рода. Так, повсеместно происходили размывание и девальвация институтов и принципов национально-территориального государства, его претензий на уважение своего суверенитета со стороны других государств [Buchanan 2002; Reconfiguring European States... 2017], а параллельно с этими процессами выстраивалась новая иерархия (олицетворяемая в настоящее время G7).

[2] Edsall Th.B. The Self-Destruction of American Democracy. – *The New York Times*. 30.11.2017. URL: https://www.nytimes.com/2017/11/30/opinion/trump-putin-destruction-democracy.html (accessed 12.05.2018).

[3] Jones B. The New Geopolitics. – *Brookings Institution*. 28.11.2017. URL: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/11/28/the-new-geopolitics/ (accessed 12.05.2018).

[4] Walker E.W. Ten Points About Where U.S-Russian Relations Are Headed. – *Eurasian Geopolitics*. 09.02.2016. URL: https://eurasiangeopolitics.com/category/ukraine-crisis/ (accessed 12.05.2018).

Именно от лица этой новой иерархии (демократической и плюральной, по замыслу, но по существу олицетворяющей неформальную практику глобальной трансляции управляющих импульсов, генерируемых гегемоном, "лидером Запада") всю вторую половину XX в. шло последовательное и повсеместное внедрение западных демократических (скорее по форме, чем по содержанию) институтов и норм, элементов западной модели конституционно-правового строя.

Но параллельно, с момента крушения биполярной модели международных отношений, сначала в бывшей Югославии, затем на постсоветском пространстве, в Ираке, Афганистане, Египте, Ливии, Сирии, стали возникать очаги острой конфликтности: между этими зачастую имитационными институциональными формами, с одной стороны, и ценностными и политико-культурными традициями, присущими большинству населения незападных стран, – с другой. Практика форсированной демократизации провоцировала столь же форсированный рост глубоких социокультурных и ценностных расколов в этих странах, конфликтов и вооруженного противостояния с участием сил центрального правительства, а также сепаратистских этнически или конфессионально консолидированных группировок. Эти конфликты особенно усугублялись в ситуации прямого политического, а тем более военного вмешательства западных стран и, как правило, сопровождались большим количеством человеческих жертв. Нередко при этом происходило крушение государственности, конституционно-правовых норм, культуры, усиливалась деградация морально-нравственных устоев общества. Прежде устойчивая на протяжении многих лет и даже десятилетий государственность в ходе ускоренной демократизации зачастую переходила в разряд *failed state*[5].

В целом же многочисленные в последние годы случаи движения в направлении государственной несостоятельности (от Ливии и Сомали в Африке, Ирака и Йемена в Азии до Македонии, Молдовы[6] и Украины в Европе; список явно неполон и должен быть дополнен перечнем так называемых частично непризнанных государств; см. напр. [Токарев 2017]) образуют в совокупности лишь одну из составляющих тренда современной глобальной трансформации, сопряженной с кризисом национального государства. Другой важной составляющей этого тренда становится размывание самого образа "классического" национально-территориального государства, потеря им прежней привлекательности и нормативного значения в качестве ключевого объекта самоидентификации, девальвация национальных ценностей. При этом в целом ряде стран наблюдаются попытки повернуть эту тенденцию вспять, вернуть государственный контроль над внутриполитическими процессами путем реанимации и культивирования подавленных в предыдущие годы макрополитических идентификаций, укрепления государственной идентичности и суверенитета (в Европе по этому пути ныне продвигаются прежде всего Венгрия, Польша и Великобритания, в других частях света – многочисленные "новые региональные державы", включая Турцию, Иран, Египет, Саудовскую Аравию, Венесуэлу, Вьетнам и др.). Но

[5] Исследовательский интерес к феномену *failed state* (несостоявшегося, несостоятельного, недееспособного государства) в российской политической науке пока что явно недостаточен. В ряду наиболее интересных отечественных исследований этой проблемы упомянем [Ильин, Мелешкина, Мельвиль 2010; Асимметрия мировой системы... 2011; Мельвиль, Стукал, Миронюк 2012]. Фундаментальный академический интерес к этой теме проявляет М.В. Ильин (см. напр. [Ильин 2008; 2014; 2015]).

[6] В Македонии и Молдове в целом фиксируется лишь тренд нарастания дисфункций молодой государственности, в отдельные моменты приобретающий облик реальной угрозы.

отметим два важных обстоятельства. В сфере публичной политики, формально оставаясь в парадигмальных рамках национального государства, все эти страны усиливают свою включенность в наднациональные структуры мирового рынка, зависимость своей политики от них, ее детерминацию обязательствами перед ними. А характер мотивации "укрепления государственного суверенитета" практически во всех этих случаях ясно указывает на новое качество природы такого политического целеполагания, несводимого к классическим атрибутам *nation-state* (эта тема подробнее будет развита в рамках дальнейшего изложения).

Наконец, еще одной составляющей, обеспечивающей, как казалось, решающий вклад в кризисную трансформацию миропорядка, выстроенного на основе покрывающей все геополитическое пространство системы национально-территориальных государств, стала *постиндустриальная глобализация*. В ее рамках на протяжении нескольких десятилетий шло продвижение новых универсальных институциональных форм организации мирового сообщества – преимущественно по сетевому и трансграничному, а не по территориальному принципу, – придающих невиданный прежде динамизм глобальному развитию. "Как... полагают многие, экономическая глобализация, рост международной мобильности, появление феномена транснационализма и диаспор, существующих благодаря современным средствам коммуникации в логике глобальности; наконец, формирование наднациональных образований по типу Евросоюза – все это должно в конечном счете разрушить или хотя бы существенно ослабить национальное государство..." [Паин, Федюнин 2017: 61]. И более того, "...национальной модели, отныне ассоциирующейся с культурной ассимиляцией и искоренением разнообразия, была противопоставлена теоретическая и политическая модель мультикультурализма" [там же: 62].

Но в последние годы активную конкуренцию этому тренду глобального и агрессивного универсализма и транснационализма (в основе которых – стремление к универсализации и космополитической абсолютизации базовых принципов рыночного, коммерциализированного общения) все ощутимее составляет иной, но не менее универсальный по своей природе тренд (отличающийся лишь отсутствием претензии на тотальность; своего рода "частичный универсализм")[7]. На фоне резко возросшей в последние годы межгосударственной и внутриполитической конфликтности стремительно усиливается диверсификация стратегий активных политических игроков современного мира, причем не только национально-государственного уровня, традиционно приоритетного в политическом анализе, но и наднационального и субнационального уровней. Более того, эта диверсификация стратегий косвенным (до недавнего времени неочевидным) образом трансформирует саму природу современного государства, дополняя и расширяя институциональный каркас классического, "модельного" национально-территориального государства существенными элементами иной, по большей части цивилизационной природы (подробнее см. [Лапкин 2017: 94-100]).

Наряду с этим многочисленные попытки спрогнозировать контуры будущего мирового порядка, оставаясь в парадигмальных рамках эпохи суверенных национальных государств, разбиваются о нетривиальность исторического

[7] Наиболее ярко этот тренд проявляется в настоящее время во внешней политике КНР. Китай отрицает наличие у него глобальных амбиций, но последовательно создает в рамках общего глобального пространства либеральной экономики собственное, выходящее за территориальные пределы КНР финансово-инвестиционное пространство. Впрочем, при внимательном анализе этот тренд выявляется и в политике многих других "новых держав" (см. [Лапкин 2017: 97]).

процесса, наполняющего динамически меняющуюся реальность все новыми и новыми смыслами, значениями и действующими субъектами.

Выходя за рамки "устаревшего и провинциального", но прежде господствовавшего типа социального и политического анализа современности, игнорирующего принципиальную "партикулярность" западноевропейского и североамериканского модерна, Ульрих Бек противопоставляет "методологическому национализму", сводящему "современное общество к обществу, организованному как территориально ограниченное национальное государство", *космополитическую перспективу* концептуализации глобализационных процессов [Бек 2012a; 2012b: 44-45]. В этом новом "космополитическом пространстве", теперь уже на глобальном, наднациональном уровне, в повестку современного развития встают проблемы преодоления несправедливости, признания легитимных интересов других, обеспечения прав доступа к критически значимым ресурсам развития всем без исключения политическим сообществам современного мира и т.п. Иными словами – весь тот массив проблем, с которыми сегодня (ввиду повсеместного усиления социального неравенства) не справляются ни национальное государство, ни все мировое сообщество таковых государств.

КОНТУРЫ РАСПРОСТРАНЯЮЩИХСЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Эту попытку ревизии и даже радикального пересмотра "устаревших и провинциальных форм" национализма как прежней универсальной парадигмы миропорядка следует, вместе с тем, рассматривать и как попытку радикально усовершенствовать альтернативную ей парадигму "постиндустриальной глобализации". Неразрывная связь двух этих альтернатив капиталистического мироустройства становится более очевидной, если обратить внимание на главный эволюционный итог глобального распространения национально-территориального принципа *организации политического пространства*. Таким итогом стала столь же глобального масштаба *дисфункция* этого процесса – переход в 1990-х годах к *униполярному миропорядку*, венчающему эту международную систему национально-территориальных государств гегемонией мировой сверхдержавы, апеллирующей к собственной исключительности.

Поначалу новый униполярный миропорядок последовательно воспроизводил и культивировал институты и практики межгосударственного общения, унаследованные от прежней эпохи, а характерным олицетворением особого статуса мирового гегемона стало представление о ресурсе его "мягкой силы", используя которую, он корректировал политику других национальных государств, избегая использования грубого насилия. Но в последнее десятилетие (2008-2018 гг.) начался последовательный пересмотр казавшейся безальтернативной стратегии продвижения в рамках универсальных (либерально-демократических) институциональных форм организации мирового сообщества. Политические институты национального государства и система международного права (санкционированная ООН и дополненная многочисленными многосторонними межгосударственными договорами) все чаще вступают в конфликт с неинституциональными (по преимуществу и с позиции системы международных отношений) практиками координации мирового порядка. При этом такая координация осуществляется посредством как ситуативных коалиций все более и более произвольных форматов, создаваемых гегемоном, так и транснациональных сообществ, распространяющих повсеместно

юрисдикцию "сверхдержавы" и соответствующие правила ведения бизнеса. Решающее преимущество таких сообществ (особенно – в сравнении с национальными государствами) в том, что их непосредственной основой являются системно организованные сетевые взаимодействия глобальной мир-экономики, выстроенные на принципах частно-корпоративного интереса, *автономии* в отношении международного (санкционированного сообществом национальных государств) права и, соответственно, *экстратерриториальности*. И по мере нарастания конфликта между интересами глобальной мир-экономики и интересами макросообществ, политически облеченных в форму национальных государств, первая все более неприкрыто использует для защиты своих интересов всю государственную мощь державы-гегемона, включая ее правовую систему, систему финансов и контроля инвестиционных процессов, распространения технологий и пр., – вплоть до силовой составляющей.

С появлением и укреплением глобальных политических позиций транснациональных акторов мирового развития, выступающих по существу проводниками экспансии латентных институциональных форм саморегулирующегося мирового рынка, вновь актуализируются озабоченности Карла Поланьи относительно перспективы "...превращения общества в придаток рынка", когда "...уже не экономика 'встраивается' в систему социальных связей, а социальные связи в экономическую систему" [Поланьи 2002: 70]. Решающим фактором этой актуализации оказывается заново сформировавшаяся на глазах нынешнего поколения, по существу – поствестфальская сетевая система мировых связей. И если в настоящее время возможна характеристика ее институциональных оснований, то следует признать главное: ее институты принципиально латентны, скрыты от общества и ему неподконтрольны. Поланьи предостерегал в свое время: "Позволить рыночному механизму быть единственным вершителем судеб людей и их природного окружения или хотя бы даже единственным судьей... значило бы в конечном счете уничтожить человеческое общество" [там же: 87]. Этой перспективе он противопоставлял императивное требование сделать рынки "не более чем полезным, но подчиненным элементом свободного общества" [там же: 254]. Однако перед лицом сегодняшних вызовов становится очевидной *ограниченность возможностей общества противостоять экспансии мирового рынка* и отстаивать свои интересы, *сохраняя национально-территориальный формат своей политической организации*.

Конструируя выход из этого эволюционного тупика мирового развития, можно рассмотреть два гипотетических сценария. Во-первых, формирование *глобального гражданского общества,* которое одно лишь способно было бы эффективно противодействовать натиску глобализма, предложить глобальную альтернативу самоорганизации патерналистскому проекту политической утопии универсального порядка под патронажем мировой финансовой олигархии. Но о продвижении по этому сценарию говорить явно преждевременно – до тех пор, пока наличие такого глобального гражданского общества и его зримое присутствие в политической жизни не станет самоочевидным фактом.

Предваряя изложение второго сценария, следует подчеркнуть, что модель единого, исторически локализованного на Западе центра мировой системы (пресловутого *униполя,* предполагающего описываемую концентрическими пространственными зонами иерархию: США – "система альянса США, ЕС и Японии" – глобальная система Объединенных наций [см. напр. Страус 1997: 37]),

все более не соответствует задаче описания эволюции современного, сложного, глобализованного (т.е. связанного в интенсивно взаимодействующее целое) мира. Практически *на всех уровнях* – и на локальном, и на региональном, и на глобальном – в эпицентре конфликта оказывается стремление *не противопоставить всеобщему униполярному универсализму автаркическую стратегию развития*, но *диверсифицировать универсализм*. Сегодня целый ряд "региональных держав" стремится реализовать свою частную версию (или, по крайней мере, свою "аранжировку") претендующего на всеобщность (пусть лишь в региональном масштабе) универсального порядка, наиболее соответствующую стратегическим интересам того или иного территориально-политического сообщества[8], – не подвергая при этом сомнению фундаментальный факт глобальной связности современного мира, а также императив его динамичного развития.

В связи с этим второй сценарий выхода из эволюционного тупика предполагает кардинальное изменение ведущего тренда эволюции глобальной мир-экономики: от строительства единой и универсальной, контролируемой из одного центра *Империи* к формированию конкурентной и полицентричной мировой системы, опирающейся на ресурсный потенциал всего многообразия культур и цивилизаций и обеспечивающей сосуществование альтернативных стратегий общественного развития в рамках общепринятого *консенсуса глобального сотрудничества*.

Использование термина *империя* в этом контексте вполне закономерно и подводит к более детальному анализу этих альтернатив мирового развития, обусловленных как все более явно проступающими претензиями глобальных мир-экономических сетей на политическое доминирование (по преимуществу – под политическим прикрытием американской "сверхдержавы"), так и контригрой разного рода сохраняющих политическую субъектность сообществ на поле мировой политики. Как неслучайно и то, что эволюционирующая глобальная мир-экономика, наиболее последовательно описываемая (в логическом и историческом аспектах) моделью капиталистической мир-системы, обладает (согласно Ф. Броделю – И. Валлерстайну [Бродель 1992: 21-39; Валлерстайн 2001; 2008]) *центром*, *периферией* и *полупериферией*, т.е., по сути, структурно соответствует *империи* [см. напр. Ильин 1997: 229-232].

Иными словами, капитализм как мировой, ориентированный на глобальную экспансию социально-политический феномен, задав в свое время импульс формированию системы национальных государств, ставшей политическим проводником этой экспансии, латентно эволюционирует совершенно противоположным образом. Узкий круг модернизационно зрелых национальных демократий составляет основу его имперского центра, а широкий круг модернизирующихся и "вечно догоняющих" государств, а также континуум "вечно отстающих *государств-неудачников*" (потенциальных *failed states*) – соответственно имперскую полупериферию и периферию. Так же как и любая *империя*, *капиталистическая мир-система* находится в состоянии "постоянного беспокойства", стремления к перманентной и ничем не ограниченной экспансии ("...пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту" [Сорос 1999: 114]).

[8] Даже в Ближневосточном регионе, одном из наиболее проблематичных в настоящее время с точки зрения интеграции в универсалистскую среду современного глобального мира, наблюдается ярко выраженное стремление (по крайней мере, со стороны наиболее амбиционных держав этого региона – Саудовской Аравии, Турции, Ирана и некоторых других) к трансграничной активности, оказывающей заметное влияние на мировые финансовые и энергетические рынки и выводящей эти державы в число акторов глобального развития.

С этого ракурса мировое развитие эпохи капитализма предстает не столько монотонным прогрессистским трендом, последовательно усиливающим и укрепляющим лидерские позиции Запада, получившего некогда (около четырех с небольшим веков тому назад) сертификат на вечное мировое превосходство, сколько *эволюционным процессом наращения сложности мировой системы,* в рамках которого исторические эпохи, институциональные модели и доминирующие акторы закономерно сменяют друг друга, вбирая опыт и успешные практики предшественников. И если критически осмыслить приведенную выше цитату Дж. Сороса, то мир стоит в преддверии грандиозного перехода – смены парадигмы развития, подобно произошедшему в XVII-XVIII вв., когда *производство* из вспомогательной для торгово-финансовых трансакций отрасли превратилось в ключевую сферу предпринимательской активности, в локомотив финансового роста и – на два века вперед – в символ капитализма. Так и ныне на наших глазах доблесть вовлечения в орбиту капиталистического накопления уже существующих, но до сих пор "не освоенных" рынков и ресурсов теряет свой прежний "блеск". Решающей же и наиболее востребованной в глобальной конкурентной борьбе становится способность обеспечить развитие скрытых ресурсов человеческой личности – пусть и на поприще капиталистической, но постоянно трансформирующейся, эволюционирующей (а стало быть – меняющейся в непредуказанном, т.е. непонятном современникам, но закономерном направлении) капиталистической мир-экономики.

С прагматической точки зрения и опираясь на сегодняшний уровень понимания метафизики социальной эволюции это эволюционное усложнение может быть описано как результат своего рода длящейся на протяжении столетий интерференции глобальных трендов (волн) дифференциации – интеграции [Пантин, Лапкин 2014: 204-235], парадоксального взаимодействия конкурирующих политик: экстратерриториальной империализации и государственно-территориального контроля.

Кризис современного национально-территориального государства и соответствующей системы межгосударственных отношений, расцвет которой "неожиданно" обернулся униполярной дисфункцией, ставит в плоскость политической практики, но также и политической теории проблему поиска новых оснований для сдерживания губительного для всякого развития тренда безудержной интеграции и универсализации. Иными словами, необходимы становление (как практическое, так и концептуальное) и консолидация новых глобального масштаба субъектов политики дифференциации, способных более эффективно противостоять универсальной, контролируемой из одного центра и ориентированной на глобальное доминирование *Империи*[9], нежели сообщество формально суверенных, но финансово, технологически и идейно зависимых от нее национальных государств. Проблема формирования этой

[9] В этом конкретном контексте Империя понимается как глобальная экономико-финансовая сеть, скрытно, но тотально влияющая на мировую политику, в определенном соответствии с трактовкой М. Хардта и А. Негри: "Вместе с глобальным рынком и глобальным кругооборотом производства возникает и глобальный порядок – новая логика и структура управления, короче говоря, новый вид суверенитета. Империя становится политическим субъектом, эффективно регулирующим эти глобальные обмены, суверенной властью, которая правит миром. ...Переход к Империи порождается упадком суверенитета современного типа" [Хардт, Негри 2004: 11-12]. В отличие от локальных империй эпохи империализма ("долгий XIX век"), Империя в понимании, изложенном выше, глобальна. Но, заметим, есть черты, общие для всех типов империй, – и локальных, и глобальных. В их числе – наличие имперского Центра, особой области, концентрирующей и генерирующей управляющие импульсы (империумы) в самых разных сферах имперской активности. Современные образования имперского типа зачастую отличаются высокой степенью экстратерриториальности имперского Центра.

альтернативы стоит ныне как никогда остро. По существу она тождественна проблеме формирования мирового порядка на новых основаниях.

Если же попробовать сформулировать эту проблему в контексте пространственного подхода, то современный этап глобальной трансформации предстает как пространственная реконфигурация политической карты мира. При этом прежний континуум национально-территориальных государств, породивший эволюционно тупиковую дисфункцию структурной униполярности миропорядка, теснится и постепенно замещается формирующейся и альтернативной ему системой взаимодействующих напрямую больших и взаимно перекрывающихся регионов, организующихся на основе капиталистической модернизации, но преимущественно по цивилизационно-имперскому принципу.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И ИМПЕРСКОГО В ПОСЛЕДНИЕ СТОЛЕТИЯ

Прежде чем перейти к более детальному анализу существа формирующейся альтернативы, следует особо прояснить сопряжение (а отчасти и противостояние) представлений об империи и о национальном государстве (в значении *nation-state*). Классические западноевропейские *nation-states* возникли как новый политический проект в противопоставлении и историческом отрицании прежних позднефеодальных империй[10]. На протяжении длительного времени их идеологам и практикам казалось, что самим фактом существования и экспансии этого нового идеального типа государственности прежний имперский тип государственности безвозвратно удаляется в историческое небытие. Тем не менее реновационный потенциал имперского типа политической организации больших сообществ, как вскоре выяснилось, был далеко не исчерпан. Имперская форма оказалась вполне приемлемым для многих европейских держав конца XVIII – XIX вв. политическим ответом на вызовы промышленной революции и индустриальной модернизации. При этом континентальные империи – Австро-Венгерская, Германская, Османская и Российская – решали проблему мобилизации ресурсов для национальной индустриализации путем расширения сферы территориального контроля в Восточной Европе и на Ближнем и Дальнем Востоке, в Средней Азии. Тогда как Британская (и Португальская как ее сателлит), а также Французская империи – выстраивали, посредством своих флотов, национальные системы заморских колоний, охватывающие весь мир и дающие эффективное решение проблемы ресурсного обеспечения их индустриального развития[11].

[10] Следует обратить внимание на существенную роль традиции и “субъективного неприятия” в оценках Империи как типа политической организации, зачастую априорно отказывающих этому типу в способности к эволюционному усложнению и адаптации к новым историческим обстоятельствам. Тем не менее исторические империи имели разнообразные формы внутренней политической организации: республиканскую, федеративную, с элементами избирательного права, конституционализма и т.д.

[11] Давая оценку “долгому XIX веку”, Э. Паин и С. Федюнин пишут: “По сути, это был век национализма, затронувший собой все, практически без исключения, части планеты – национализм был спутником и даже в какой-то мере союзником империализма. Доминировавшие в это время империи существовали как бы на двух скоростях: метрополии шли по пути строительства национального порядка, создавая и переформатируя имперскую структуру в качестве рамки, ‘надстройки’, которая обеспечивала геополитическое и геоэкономическое могущество европейских наций. Нации для себя, империи для колоний – вот формула, которая описывает державы-метрополии европейского типа в их зрелом виде на протяжении XIX – начала XX века” [Паин, Федюнин 2017: 56]. Заметим, что, констатируя произошедшие за тот период метаморфозы мироустройства, авторы трактуют империю скорее в логике М. Хардта и А. Негри, акцентируя опыт мировых империй и прежде всего Великобритании, и игнорируя не менее поучительный опыт континентальных империй и пытающихся вступить на путь империализации наций (Германии, Австро-Венгрии, Италии, Сербии и др.).

Итак, в эволюционном аспекте итоговая трансформация миропорядка в последние столетия предстает следующим образом: система национально-территориальных государств Европы, зародившаяся к концу XVII в., за два последующих века трансформировалась так, что *национально-территориальные государства резко нарастили свои внешние имперские атрибуты*. Империализация незападных держав при этом также усилилась.

Но система имперского ("империалистического") миропорядка конца XIX в. оказалась скомпрометирована тем, что классические имперские государства не смогли договориться о надежном взаимном институционализированном ограничении своего суверенитета, а потому миру пришлось пройти через две мировые войны, в ходе которых прежний мировой порядок был разрушен, а сохранившиеся державы лишились своего имперского ореола.

Впрочем, и это решение "имперского вопроса" не стало окончательным. Новый кризис капиталистического миропорядка, с разной степенью интенсивности длящийся с начала XXI в., в своей острой фазе последнего десятилетия высветил имманентные (до поры латентные) противоречия мировой системы национальных государств, как казалось, окончательно утвердившейся в качестве безальтернативной под давлением "наций-победителей" во Второй мировой войне. Прежде всего, в основе этих противоречий – сохраняющиеся имперские черты в политическом поведении ведущих мировых держав. Само наличие остающегося в современной политической лексике термина держава (*power*) выдает этот "секрет Полишинеля" [см. Ильин 1997: 224-240]; впрочем, на то же указывает и структура СБ ООН, то, на каких принципах в свое время был построен отбор его так называемых постоянных членов.

Налицо трехэтапный цикл. Первый этап: империализация сложившихся форм государственного национально-территориального устройства ("долгий XIX в." – от Великой французской революции до Первой мировой войны). Второй этап: разрушение этих локальных имперских форм ("системы империализма") и строительство миропорядка, подчиненного единому имперскому центру ("короткий XX в." – от Первой мировой войны до распада СССР)[12]. Третий этап – разложение "униполя" и формирование новых режимов государственно-территориального контроля (с конца XX в. и на протяжении ближайших десятилетий, по предварительным авторским оценкам – до начала 2040-х годов). При этом тренд империализации выступает в качестве сопутствующего (с некоторым фазовым отставанием) тренду национализации[13], а также в качестве неизбежного следствия монополизма в мировой (или

[12] Характерно, что эволюционный цикл предусматривает своего рода "защитные механизмы", предотвращающие полное "эволюционное зацикливание" процесса, сохраняет определенную незавершенность униполярного порядка. В XX в. это проявилось не только в наличии "социалистического лагеря" во главе с СССР (пресловутая "биполярность"), но и в сохранении у правопреемника СССР – у РФ – потенциала глобального сдерживания. Именно породившая СССР и впоследствии наследовавшая ему Россия выступает сегодня главным "раздражителем" мирового гегемона.

[13] По авторитетному суждению С. Каспэ, в число "условий формирования империй" входит "отсутствие либо ограниченность ассимиляции населения вновь включаемых в состав государства территорий, сохранение им своих этнокультурных особенностей" [Каспэ 2001: 30]. С этой точки зрения переход к политике мультикультурализма в странах Запада (при всех возможных оговорках о ее неэффективности) есть зримое свидетельство неспособности более поддерживать процессы ассимиляции и отхода от классических практик нациестроительства, начала попятного движения – от нации к политической организации имперского типа. Иными словами, по мере утраты способности к ассимиляции инородного населения (включая мигрантов) вероятность имперского перерождения национального государственно-политического сообщества повышается.

региональной) экономической и инвестиционной политике. Причем для империализации систем государств требуется существенно больше времени, чем для империализации мирового гегемона (доминирующего мирового актора).

Оценивая трансформации и взаимопревращения национального и имперского в последние столетия [см. напр. Nationalizing Empires 2015], выскажем предположение, что на ее нынешней эволюционной стадии речь идет о формировании глобальной системы региональных имперско-национальных государств, связанных глобальной сетью торгово-инвестиционных отношений. Этот тренд диверсификации скрадывался до недавнего времени последовательным движением к глобальной Империи, подчиняющей весь мир единому униполярному порядку, в основу которой был исторически положен западный, а по сути англосаксонский цивилизационно-имперский компонент. Его латентное присутствие осознавалось всеми иными субъектами мирового развития, но рассматривалось, "по умолчанию", в качестве некой не обсуждаемой универсалии, "фигуры умолчания", естественной онтологической основы современного миропорядка.

Тем не менее, вопреки базовой парадигме, XVII-XVIII вв. характеризовались отнюдь не одномерным процессом формирования системы государств-наций (пусть даже с поправкой на приобретенный многими из них колониальный, имперский ореол), но комплексным дуальным. Наряду с формированием континентальной системы западноевропейских национальных государств в эти века шел и иной, не менее интенсивный процесс – становление глобального финансово-экономического порядка под эгидой Великобритании (Соединенного Королевства, наследовавшего Соединенным Провинциям и передавшего эстафету глобального лидерства Соединенным Штатам). Именно этот тренд универсальной финансово-экономической империализации[14] позволил, под зонтиком глобальной экспансии капитализма, распространить идеалтипическую модель национально-территориального государства на другие континенты, подчинить ей большинство инородных (не англосаксонских и не западноевропейских) цивилизаций. Этот симбиоз (стратегический компромисс) континентальных национальных государств Европы и держателя основных активов глобального капитализма стал к середине XX в. (уже в рамках "*Pax Americana*") основой мирового господства "коллективного Запада". А предпосылкой формирования этого симбиоза стало жесточайшее "дисциплинирование" национального эгоизма европейских стран, в известной степени – их самодисциплинирование, по итогам двух мировых войн XX века.

И теперь, триста с лишним лет спустя, по мере того, как незападные цивилизации возвращают себе контроль над собственными ресурсами развития, прежняя монополия Запада и основа его прежнего консенсуса размывается. Возникает перспектива трансформации мировой системы, наступает эра "ревизионистских государств"[15], присовокупляющих к контролируемым ими ресурсам развития ресурсы цивилизационно-имперской природы (т.е. как культурной самоидентификации и социальной самоорганизации, так и политико-государственной консолидации и мобилизации) [Лапкин 2017: 94-100].

[14] Такая универсалистская империализация характеризует эволюционное движение мировой системы экономических и политических центров силы в целом, в каждый конкретный исторический момент воплощаясь в империализм конкретной державы – мирового лидера.

[15] В число которых, по оценкам ряда авторов, следует включить и сами США.

СКРЫТЫЙ ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФОРМЫ

Черты имперской политической организации, проступающие сквозь рамочный институциональный каркас национально-территориального государства, сигнализируют об усиливающемся в сегодняшнем мире запросе на имперский инструментарий достижения компромисса между политическими притязаниями культурного многообразия и прагматикой капиталистической рационализации. Или, конкретнее, между сохраняющимся (и даже местами усиливающимся) социокультурным, этноконфессиональным и региональным разнообразием, с одной стороны, и универсалистскими потребностями современного капитализма, требующими последовательной оптимизации транзакционных издержек в целом и сокращения числа политически дееспособных субъектов глобального рынка, в частности, – с другой[16]. Механизм консолидации гетерогенных сообществ посредством нации все чаще демонстрирует свою ограниченность как в культурно-цивилизационном, так и в логистическом плане[17]. Возникнув в специфической – по преимуществу англосаксонской – культурно-цивилизационной среде, *нация* как форма консолидации национального рыночного сообщества, предполагающая особый тип государства, формирующего и защищающего это сообщество от внешних угроз и обеспечивающего ему ресурсную поддержку путем контроля над внешними рынками, ценою определенной коррекции изначальных принципов смогла распространиться шире – на романо-германский мир. Однако дальнейшее распространение этой формы социально-экономической консолидации стало порождать серьезные проблемы в мировом развитии. Последовали эксцессы небывало кровопролитных войн, революций, террористических атак и т.п. А главное – постоянным стало воспроизводство и, фактически, институциональное закрепление отставания всех прочих стран мира от немногих, вошедших в сообщество Запада.

Наконец, итогом последовательной реализации этого тренда, по мере обретения ведущими нациями и, позднее, политическим сообществом Запада в целом внешних имперских атрибутов, обеспечивающих контроль над рынками за пределами их государственных границ, стала нынешняя ситуация. В настоящее время внутренний рынок одной, главной страны – с его правовыми, финансовыми, политико-информационными, военно-дипломатическими и экономико-технологическими "системами жизнеобеспечения" – претендует на то, чтобы, исходя исключительно из собственных интересов, подчинить себе всех прочих экономических агентов глобального рынка, установив полный контроль над мировыми ресурсами развития.

---

[16] "...Имперские системы представляют собой способ разрешения конфликтогенных напряжений, возникающих при столкновении универсалистских культурно мотивированных политических ориентаций с реальным разнообразием и разнородностью представленных в конкретном политическом пространстве политических культур" [Каспэ 2001: 30].

[17] "...Нет ничего плохого в том, чтобы быть империей, быть имперским политическим образованием, но это означает, что здесь невозможна гражданская нация, здесь невозможна подобная организация жизни народа, слишком высока ее стоимость..." (Тесля А. 2017. "Нация" есть понятие политическое. – *Русофил.* 12.01. URL: http://russophile.ru/2017/01/12/ (проверено 12.05.2018)). Скажем иначе: при нынешней организации глобального доступа к ресурсам развития "роскошь" гражданской нации как политической формы организации могут позволить себе далеко не все сообщества современного мира. Даже для "благополучных" стран Запада поддержание этой политической формы становится все более непосильной задачей. Выбор между развитием и гражданской формой существования (при невозможности их практического совмещения) для многих политических сообществ сегодня отнюдь не предрешен.

Зарождение западноевропейских наций в ходе последовательной этнической и конфессиональной "стандартизации" социального субстрата обеспечило вхождение соответствующих практик в идеалтипический "генетический фонд" нации. А во второй половине XX в. формальный институциональный каркас национального государства, несущий на себе печать этой "генетики", стал повсеместно распространенным явлением – как своего рода совокупный итог процессов деколонизации и распада советского блока. Доступность этой универсальной институциональной формы современного государства, с одной стороны, стимулировала практики политизации межэтнических и межконфессиональных противоречий и их перехода в фазу острой конфликтности, а с другой – вселяла в конфликтующие сообщества надежду на возможность сепаратного политического самоопределения, умножая тем самым сверх всякой меры число претендентов на обретение собственной национальной государственности. Наконец, за *de jure* ширмой национального государства *de facto* шла их дифференциация на государства, удерживающиеся в рамках "нормы", и государства, сохраняющие, наращивающие или возрождающие атрибуты империи.

Последнее характерно прежде всего для крупных (как по территории, так и по числу граждан), а также полиэтнических, поликонфессиональных и мультикультурных государствообразующих сообществ. В последние десятилетия инструментарий национального государства оказывался все менее надежным в вопросах интеграции таких сообществ. А по мере обострения так называемого миграционного кризиса дисфункции национального государства стали проявляться даже в прежде стабильных и обладающих развитым и эффективным гражданским обществом государствах Запада.

Параллельно с этим в мире активно – "поверх" национальных государств – формируются международные структуры нового типа, выступающие в качестве "зонтичных" в сферах мировой политики, права, торговли, безопасности, коммуникаций, финансов и инвестиций и претендующие на присвоение и активное освоение части суверенитета интегрируемых ими наций[18]. При этом наиболее острый конфликт возникает при "покушении" этих структур на суверенитет стран, в которых сохраняются не до конца редуцированные в процессе нациестроительства элементы (пусть даже лишь символические) имперского государственного строя.

Так, проявление в политике ЕС качеств имперской природы (что было обусловлено последовательным обретением Еврокомиссией фактической автономии от национальных правительств и способности принуждать эти правительства следовать директивам из Брюсселя) сформировало конфликт между предписывающими и управляющими импульсами этой становящейся империи[19] и не до конца редуцированными имперскими амбициями

[18] Любая система многосторонних международных обязывающих договоренностей, по крайней мере начиная с Вестфальского договора, с этой точки зрения представляет собой элемент такого рода протоструктуры, "заимствующей" ту или иную часть суверенитета у интегрируемых ею государственно-политических субъектов. Причем часть эта, как показывает, например, сопоставление соответствующего опыта СССР, ЕС или ООН, может варьироваться в весьма широком диапазоне.

[19] "С некоторыми оговорками... можно считать... Евросоюз – коллективной имперской структурой, созданной европейскими нациями, окончательно распустившими свои заморские империи к 1975 году..." [Паин, Федюнин 2017: 57]. Предназначение этой "коллективной имперской структуры" двояко: элиминировать возможность внутренних войн Европы и создать условия для эффективного освоения внешних рынков. Последнее становится затруднительным в условиях активизации имперской политики США, поскольку у США и ЕС принципиально разные модели освоения этих рынков, несовместимые при сужающихся в настоящее время возможностях. Дополнительным фактором дестабилизации Европы становятся усиливающиеся противоречия между "национальными демократиями" и новой мультикультурной демократией, продвигаемой руководством ЕС на наднациональном уровне.

Великобритании[20], породивший феномен *Brexit*. Конфликт Великобритании и ЕС как никакой иной рельефно высветил угрозу сползания мира в новую эпоху империалистических столкновений. В том же Европейском союзе существуют и другие страны с богатой имперской традицией, такие как Испания, Франция, Нидерланды. Да и Германия, страна нереализованных в Новое время имперских амбиций, имеет сверхустойчивый исторический бэкграунд Священной Римской империи германской нации (или, кратко, Рейха[21]). В этот ряд можно поставить и Австрию (*Österreich*), и Польшу[22] (наследующую Риму государственной формой Республики – Речи Посполитой), и стоящие у восточных рубежей ЕС Турцию и Россию. Все эти формально национальные государства сохраняют культурно-цивилизационные характеристики, активизирующиеся при попытках интегрировать их в инородные имперские структуры и навязать им чужеродные институциональные и культурные нормы, поскольку "имперский характер политических систем определяется не столько характером *политических институтов*, сколько содержанием формирующейся в них и через них выражающейся внутренне неоднородной *политической культуры*, первичной по отношению к институтам" [Каспэ 2001: 29].

Особая роль США как мирового гегемона уже обсуждалась выше. Сразу после окончания Второй мировой войны США выступили проводником новой цивилизующей мир миссии, взламывая косные политические режимы, разлагая колониальные империи своих ближайших союзников, борясь с безбожным и тираническим коммунизмом, насаждая повсюду институциональную демократию, консьюмеризм, либеральные ценности и поведенческие стереотипы "американского образа жизни" в его экспортном варианте. Но с 1970-х годов выявились и обострились структурные противоречия и конфликты между стратегиями развития новых (и восстановившихся старых) мировых центров силы, получивших импульсы к развитию в предшествующий благоприятный период. С этого момента наблюдаются принципиальные изменения характера цивилизационной экспансии, проводимой США, вынужденных все чаще прибегать в своих действиях к имперской составляющей силы. А с упразднением биполярной системы в результате усиления имперских черт в политике Соединенные Штаты представляют почти хрестоматийный образец своего рода политии-кентавра: во внутренней политике они по-прежнему в целом сохраняют облик государства-нации (*nation-state*) с достаточно эффективно работающими правовыми демократическими институтами, всеобщим политическим представительством и высокоэффективным разделением властей[23]; однако в своей внешней политике США все активнее осваивают классические приемы и инструменты мировой империи, соответствующую риторику, а также поведенческие навыки мирового жандар-

[20] Напомним, что интегральная британская нация уживается в едином государстве с шотландской, валлийской, ирландской и английской (не говоря уже о конгломерате наций, этносов, племен и народов, привнесенных в последние десятилетия волнами инокультурной миграции).

[21] Латинскому *Sacrum Imperium Romanum Nationis Germanicae* соответствует немецкое *Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation*.

[22] Отметим характеризующие ее в настоящее время симптомы политического устремления возродить Империю "от моря до моря" или даже "империю трех морей".

[23] Впрочем, внутриполитический конфликт, спровоцированный избранием на президентский пост Д. Трампа, и последующий глубочайший институциональный кризис и ценностный раскол американского общества заставляют усомниться в эффективности модели *nation-state* применительно даже к внутриполитическим процессам современных США.

ма, все более безапелляционно и повсеместно продвигающего и насаждающего правильный с американской точки зрения порядок.

В целом же глобальный контекст, поначалу, в первые годы третьего тысячелетия, воспринимавшийся как кризис модели национального государства под натиском глобализации, сегодня, по итогам периода великих потрясений (2008-2017 гг.), предстает иным по своему смысловому наполнению, выявляя непредвиденный вариант разрешения этого кризиса.

Таким эмпирически достоверным, но теоретически непредвиденным решением оказывается продвижение – "поверх" общераспространенного и универсального в современном мире национально-государственного устройства – имперских форм политической интеграции, опирающейся на латентные ресурсы культурно-цивилизационной природы, так и не сокрушенные предшествующей экспансией западного универсализма. Применительно ко всем современным державам, столкнувшимся с острыми внутриполитическими проблемами, порождаемыми массовой инокультурной миграцией (прежде всего это ЕС, США, РФ), уместно суждение С. Каспэ: "...формирование имперской политической системы происходит тогда, когда этническое и культурное разнообразие становится политической проблемой и разрешается политическими средствами" [Каспэ 2001: 29].

На повестку глобального политического развития встает выработка (подобно Вестфальской системе) некоей новой системы отношений между неоимперскими структурами современного мира, которые, впрочем, пока, из соображений политкорректности, таковыми не именуются. В ряду этих политических образоований назовем, вполне предсказуемо, США, ЕС, РФ, КНР. Потенциально это также Индия, Иран, Турция (список, возможно, в ближайшее время будет расширяться). Сама эта проблема ставит перед Западом сложнейшую задачу пересмотра своего позиционирования в мире и перехода к фактически, а не только декларативно равноправным отношениям с государствами, политически представляющими инокультурные макрососообщества с иным институционально-правовым опытом. Вместе с тем перед любой из стран современного мира, имеющей такого рода неоимперские амбиции, стоит чрезвычайно трудная задача разумного самоограничения и выработки компромисса с иными себе подобными державами (то, что оказалось не по силам державам начала XX в.).

В рамках новой системы отношений современные державы должны будут взять на себя связывающие обязательства, предполагающие введение конкуренции между ними в некие правовые ограничительные рамки, которые исключали бы возможность какого-либо возврата к ситуации униполярности или даже биполярности. Эта система должна предусматривать возможность существования альтернативных моделей современного развития и сосуществование альтернативных культур, причем не в форме пресловутой мультикультурности, а с гарантированной ресурсной обеспеченностью политических проектов, выстраиваемых на альтернативных культурных основаниях. Система должна предложить рамочные условия, приемлемые хотя бы для этих основных игроков современного мира и не сковывающие возможности разнообразного (в первую очередь торгово-экономического, технологического, инвестиционного, информационного и т.п.) взаимодействия между ними. А имманентное любой империи "постоянное беспокойство" и стремление к перманентной и ничем не ограниченной экспансии сможет реализоваться в конкурентном пространстве культурных моделей развития.

Эпоха единой универсальной, глобально доминирующей Империи в целом заканчивается. Начинается эпоха конкуренции и формирования глобальной системы региональных (цивилизационно ориентированных) неоимперских политических образований, в той или иной степени адаптирующих политический арсенал модерна к собственной уникальной ценностно-культурной среде, которым предстоит выработать новые системные правила глобального сосуществования.

Алексеенкова Е.С. 2015. Хаос и игра без правил: О современном кризисе доверия в отношениях России и Запада. – *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. № 1. С. 67-81.

Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности. 2011. Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет. 248 с.

Бек У. 2012a. Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот. – *Вестник Института Кеннана в России*. № 22. С. 57-69.

Бек У. 2012b. Живя в мировом обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 44-58. Доступ: http://www.politstudies.ru/article/4615 (проверено 15.06.2018).

Бродель Ф. 1992. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира*. М.: Прогресс. 680 с.

Бродель Ф. 2014. *Грамматика цивилизаций*. М.: Весь Мир. 560 с.

Валлерстайн И. 2001. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем. – *Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории*. Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф. С. 102-116.

Валлерстайн И. 2008. *Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация*. М.: Товарищество научных изданий КМК. 176 с.

Ильин М.В. 1997. *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий*. М.: РОССПЭН. 432 с.

Ильин М.В. 2008. Возможна ли универсальная типология государств? – *Политическая наука*. № 4. С. 8-41.

Ильин М.В. 2014. Patrimonium et imperium: метаморфозы двух прототипических порядков в зеркале эволюционной морфологии (часть 1). – *ПОЛИТЭКС*. Т. 10. № 3. С. 5-21.

Ильин М.В. 2015. Patrimonium et imperium: метаморфозы двух прототипических порядков в зеркале эволюционной морфологии (часть 2). – *ПОЛИТЭКС*. Т. 11. № 1. С. 5-24.

Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. 2010. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 26-39. Доступ: http://www.politstudies.ru/article/4277 (проверено 15.06.2018).

Каспэ С.И. 2001. *Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика*. М.: РОССПЭН. 256 с.

Лапкин В.В. 2012. *Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений: научная монография*. М.: ИМЭМО РАН. 140 с.

Лапкин В.В. 2017. Социально-политический контекст трансформации идентичности в XXI веке. – *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир. С. 88-101.

Малахов В.С. 2014. Культурные различия и политические границы: национальный, локальный и глобальный контексты. – Малахов В.С. *Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций*. М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН. С. 11-12.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2012. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 8-30. Доступ: http://www.politstudies.ru/article/4532 (проверено 15.06.2018).

Паин Э., Федюнин С. 2017. *Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием*. М.: Мысль. 266 с.

Пантин В.И., Лапкин В.В. 2014. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+. 456 с.

Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя. 320 с.

Сорос Дж. 1999. *Кризис мирового капитализма: Открытое общество в опасности*. М.: ИНФРА-М. 262 с.

Страус А.Л. 1997. Униполярность (Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России). – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 27-44.

Токарев А.А. 2017. Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 106-117. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.08

Хардт М., Негри А. 2004. *Империя*. М.: Праксис. 440 с.

Buchanan P.J. 2002. *The Death of the West: How Doing Populations and Immigrants Invasions Imperil Our Country and Civilization*. New York: Thomas Dunne Books. 311 p.

Foa R.S., Mounk Y. 2016. The Danger of Deconsolidation: The Democratic Disconnect. – *Journal of Democracy*. Vol. 27. No. 3. P. 5-17. https://doi.org/10.1353/jod.2016.0049

Fukuyama F. 2014. America in Decay: The Sources of Political Dysfunction. – *Foreign Affairs*. Vol. 93. No. 5. P. 5-26.

Haas R.N. 2014. The Unraveling: How to Respond to a Disordered World. – *Foreign Affairs*. Vol. 93. No. 6. P. 70-79.

Hobson Ch. 2017. Democratic Peace: Progress and Crisis. – *Perspectives on Politics*. Vol. 15. No. 3. P. 697-710. https://doi.org/10.1017/S1537592717000913

Meer van der T.W.G. 2017. Political Trust and the "Crisis of Democracy". – *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Jan. https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.77

Menon R., Rumer E.B. 2015. *Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order*. Cambridge: The MIT Press. 248 p.

Nationalizing Empires. Ed. by Berger S., Miller A. 2015. Budapest: Central European University Press. 691 p.

Reconfiguring European States in Crisis. Ed. by King D., Le Galès P.. 2017. Oxford; New York: Oxford University press. 512 p. http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198793373.001.0001

Wilson A. 2014. *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. Totton, Hampshire; New Haven; London: Yale University Press. 248 p.

DOI: 10.17976/jpps/2018.04.04

NATION *VS* EMPIRE IN THE MODERN WORLD ORDER

V.V. Lapkin[1]

[1]*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

LAPKIN Vladimir Valentinovich, Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: vvlh@politstudies.ru

Lapkin V.V. Nation *vs* Empire in the Modern World Order. – Polis. Political Studies. 2018. No. 4. P. 37-55. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.04

Received: 26.04.2018. Accepted: 14.05.2018

Abstract. The article explores the causes and possible consequences of the critical instability of the modern world order, and the emerging fundamental institutional transformation arising from the search for ways to overcome this crisis of the modern world system. The analysis focuses on the of theoretical and methodological basis for a deeper understanding of the nature of this crisis and the identification of "points of growth" for new forms of interaction between the main subjects of world development, as well as new, more differentiated principles of global universalism, more sensitive to the cultural diversity of communities integrated into the global system of communities and of their political actors. The author discusses the phenomenon of "new powers", the complicated and symbiotic nature of their political organization, including transboundary formats for the distribution of control impulses, as well as their participation in the formation of new patterns of the world order. This analysis contributes to the formulation of a hypothesis about the essence (content) of a new system of international relations and territorial division of the world. Its essence: the exhaustion of the stability potential of the international system of national-territorial states gave rise in the course of historical development to irreversible dysfunction – a unipolar world order (the "lone superpower" syndrome). Overcoming this dysfunction is the main point on global transformation agenda in all its aspects: political, socio-economic, cultural, etc. Researchers studying these processes may have to reconsider the traditional optics of analysis, its conceptual bases and paradigmatic approaches in a critical manner.

Keywords: transformation of the world order; subjects of world development; nation-state; nationalism; civilization; world-system; unipolarity; empire; universalism; political space; global dominance; methodological nationalism; cosmopolitan perspective; sovereignty.

References

Alekseenkova E.S. Chaos and Game without Rules: on Modern Crisis of Trust in Relations Between Russia and the West. – *Politeia*. 2015. No. 1. P. 67-81. (In Russ.)

Asimmetriya mirovoi sistemy suvereniteta: zony problemnoi gosudarstvennosti. Pod red. M.V. Ilyina, I.V. Kudryashovoj [Asymmetry of the World Sovereignty System: Zones of Troubled Stateness. Ed. by M. Ilyin, I. Kudryashova]. Moscow: MGIMO-University. 2011. 248 p. (In Russ.)

Beck U. Living in and Coping with a Global-Risk Society: The Cosmopolitan Turn. – *Vestnik of the Kennan Institute in Russia*. 2012. No. 22. P. 57-69. (In Russ.)

Beck U. Living in and Coping With World Risk Society: The Cosmopolitan Turn. – *Polis. Political Studies*. 2012. No. 5. P. 44-58. (In Russ.) URL: http://www.politstudies.ru/en/article/4615 (accessed 15.06.2018).

Braudel F. Civilization matérielle, économie et capitalisme, XVe XVIIIe siécle. Tome 3. Le Temps du Monde. (Russ. ed.: Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. T. 3. Vremya mira*. Moscow: Progress Publishers. 1992. 680 p.)

Braudel F. Grammaire des civilizations. (Russ. ed.: Braudel F. *Grammatika tsivilizatsii*. Moscow: Ves MIR Publishers. 2014. 560 p.)

Buchanan P.J. *The Death of the West: How Doing Populations and Immigrants Invasions Imperil Our Country and Civilization*. New York: Thomas Dunne Books. 2002. 311 p.

Foa R.S., Mounk Y. The Danger of Deconsolidation: The Democratic Disconnect. – *Journal of Democracy*. 2016. Vol. 27. No. 3. P. 5-17. https://doi.org/10.1353/jod.2016.0049

Fukuyama F. America in Decay: The Sources of Political Dysfunction. – *Foreign Affairs*. 2014. Vol. 93. No. 5. P. 5-26.

Haas R.N. The Unraveling: How to Respond to a Disordered World. – *Foreign Affairs*. 2014. Vol. 93. No. 6. P. 70-79.

Hardt M., Negri A. Empire. (Russ. ed.: Hardt M., Negri A. *Imperiya*. Moscow: Praxis. 2004. 440 p.)

Hobson Ch. Democratic Peace: Progress and Crisis. – *Perspectives on Politics*. 2017. Vol. 15. No. 3. P. 697-710. https://doi.org/10.1017/S1537592717000913

Ilyin M.V. *Slova i smysly. Opyt opisaniya klyuchevykh politicheski ponyatii* [Words and Meanings. Experience of Description of the Key Political Concepts]. Moscow: ROSSPEN Publishers. 1997. 432 p. (In Russ.)

Ilyin M.V. Is the Universal Typology of States Possible? – *Political Science (RU)*. 2008. No. 4. P. 8-41. (In Russ.)

Ilyin M.V. Patrimonium et Imperium: Metamorphoses of Two Prototypical Orders in the Mirror of Evolutionary Morphology (part 1). – *POLITEX. Political Expertise Journal*. 2014. Vol. 10. No. 3. P. 5-21. (In Russ.)

Ilyin M.V. Patrimonium et Imperium: Metamorphoses of Two Prototypical Orders in the Mirror of Evolutionary Morphology (part 2). – *POLITEX. Political Expertise Journal*. 2015. Vol. 11. No. 1. P. 5-24. (In Russ.)

Ilyin M.V., Meleshkina Ye.Yu., Melville A.Yu. Formation of the New States: Domestic and External Factors of Consolidation. – *Polis. Political Studies*. 2010. No. 3. P. 26-39. (In Russ.) URL: http://www.politstudies.ru/en/article/4277 (accessed 15.06.2018).

Kaspe S.I. *Imperiya i modernizatsiya: Obshchaya model' i rossiiskaya spetsifika* [Empire and Modernization: General Model and Russian Specificity]. Moscow: ROSSPEN Publishers. 2001. 256 p. (In Russ.)

Lapkin V.V. *Politicheskaya modernizatsiya Rossii v kontekste global'nykh izmenenii: nauchnaya monografiya* [Political Modernization of Russia in Global Changes Context]. Moscow: IMEMO RAN. 140 p. (In Russ.)

Lapkin V.V. Sotsial'no-politicheskii kontekst transformatsii identichnosti v XXI veke [Socio-political Contexts of Identity Transformations in the 21st Century]. – *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie*. Ed. by I. Semenenko [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia. Ed. by I. Semenenko]. Moscow: Ves MIR Publishers. 2017. 992 p. (In Russ.)

Malakhov V.S. Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy: natsional'nyi, lokal'nyi i global'nyi konteksty [Cultural Differences and Political Boundaries: National, Local and Global Contexts]. – Malakhov V.S. *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii* [Cultural Differences and Political Boundaries in the Era of Global Migration]. Moscow: New Literary Observer publishing house; Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences. 2014. P. 11-12. (In Russ.)

Meer van der T.W.G. Political Trust and the "Crisis of Democracy". – *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Jan. 2017. DOI: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.77

Melville A.Yu., Stukal D.K., Mironyuk M.G. Trajectories of Regime Transformations and Types of State Consistency. – *Polis. Political Studies*. 2012. No. 2. P. 8-30. (In Russ.) URL: http://www.politstudies.ru/article/4532 (проверено 15.06.2018).

Menon R., Rumer E.B. *Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order*. Cambridge: The MIT Press. 2015. 248 p.

Nationalizing Empires. Ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest: Central European University Press. 2015. 691 p.

Pain E., Fedyunin S. *Natsiya i demokratiya. Perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziem* [The Nation and Democracy. Prospects for Managing Cultural Diversity]. Moscow: Mysl'. 266 p. (In Russ.)

Pantin V.I., Lapkin V.V. *Istoricheskoe prognozirovanie v XXI veke: Tsikly Kondrat'eva, evolyutsionnye tsikly i perspektivy mirovogo razvitiya* [Historical Forecasting in the 21st century: Kondratieff's Cycles, Evolutionary Cycles and Prospects for World Development]. Dubna: Phoenix-plus. 456 p. (In Russ.)

Polanyi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. (Russ. ed.: Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni*. Saint Petersburg: Aletheia. 2002. 320 p.)

Reconfiguring European States in Crisis. Ed. by King D., Le Galès P. Oxford; New York: Oxford University press. 2017. 512 p. http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198793373.001.0001

Soros G. *Krizis mirovogo kapitalizma: Otkrytoe obshchestvo v opasnosti* [The Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered]. 1999. Moscow: INFRA-M. 262 p.

Straus A.L. Unipolarity (The Concentric Structure of the New World Order and the Position of Russia). – *Polis. Political Studies*. 1997. No. 2. P. 27-44. (In Russ.)

Tokarev A.A. Comparative Analysis of the Post-Communist Secessions: The Prognostic Attempt of Quantification of the Factors` Impact on Secession. – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 4. P. 106-117 (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.08

Wallerstein I. Historical Capitalism with Capitalist Civilization. (Russ. ed.: Wallerstein I. *Istoricheskii kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya*. Moscow: Tovarishchestvo natschnykh izdanii KMK. 2008. 176 p.)

Wallerstein I. The Inventions of TimeSpace Realities: Towards an Understanding of Our Historical Sysrems. (Russ. ed.: Wallerstein I. Izobretenie real'nostei vremeni-prostranstva: k ponimaniyu nashikh istoricheskikh system. – *Vremya mira. Al'manakh. No. 2. Struktury istorii*. Ed. by N.S. Rozov. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. 2001. P. 102-116).

Wilson A. *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. Totton, Hampshire; New Haven; London: Yale University Press. 2014. 248 p.